

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО «ТАЦИТОВЕДЕНИЯ» (40–70-Е ГГ. XX ВЕКА)**А.П. БЕЛИКОВ¹,
А.А. ЕЛАГИНА²**¹*Ставропольский государственный университет*²*Омский терминологический центр – Институт терминологии и перевода**e-mail: abelikov@rambler.ru*

В работе рассматриваются основные направления изучения текстов Корнелия Тацита в отечественной исторической и филологической науке в 40–70-е гг. XX в.

Ключевые слова: Тацит, история, филология, перевод, интерпретация.

После октябрьского переворота 1917 г. Тацит в нашем отечестве надолго был предан забвению¹. Нет ни одной по настоящему серьёзной научной публикации о нём, изданной ранее 1946 г.²

Первая в советской историографии большая монография о Таците³ была опубликована И.М. Гревсом (1860–1941 гг.). Всю свою сознательную жизнь он посвятил изучению Тацита. Ещё до революции он опубликовал статьи о нём в двух энциклопедических словарях⁴. Затем он долгие годы готовил монографию, пытаясь дать объективную оценку Тациту как историку, не особо надеясь, впрочем, на её издание. Издана она была, к сожалению, когда уже не стало самого автора, сначала на русском языке, а потом и на немецком⁵.

И.М. Гревс пытался понять политические мотивы, которыми руководствовался Тацит в написании своих исторических произведений. Учёный видел в Таците прежде всего историка-обличителя, историка-баталиста, деловитого историка⁶. Он одним из первых отметил, что знакомясь с системой построения Тацитом исторического повествования, надо «глубже проникнуть внутрь самой ткани его произведений»⁷, ибо они требуют вдумчивого отношения. Но при этом И.М. Гревс, на наш взгляд, совершенно необоснованно отмечает отсутствие у Тацита твердого критерия исторической истины. По мнению исследователя, из-за этого автор часто попадал в беспомощное положение, – «не зная, что принять и что отвергнуть в традиции»⁸. И.М. Гревс подчеркивает, однако, что Тацит рабо-

¹ Издавались и переиздавались переводы лишь небольших фрагментов из его трудов. См.: Тацит. Германия (отрывки) // Социальная история Средневековья. М.-Л., 1927. Т. I. С. 68–79; Тацит. Анналы // Античный способ производства в источниках / Под ред. С.А. Жебелева, С.И. Ковалева. Л., 1933. С. 63–64, 89, 140–141, 204, 332–333, 339; Тацит. Германия // Древние германцы: Сб. м.-лов, сост. Б.Н. Моравским, А.И. Неусьхиным. Вводная статья и редакция А.Д. Удадьцова. М., 1937. С. 55–82; Тацит. Анналы. Германия. История (отрывки) // Архитектура античного мира / Сост. В.П. Зубов и Ф.А. Петровский. М., 1940. С. 7, 81, 102, 111, 245, 399, 429, 452–453, 455–457, 459, 475, 482; Тацит. Анналы (отрывки). Пер. с лат. // Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940. С. 28, 107–108; Тацит К. Сочинения (отрывки) / Пер. и комм. П. Сотникова. Известия иностранцев об армянах. Латинские источники. Текст на латинском и армянском языках. Ереван, 1941. 149 с.; Тацит. Анналы. Перевод В.И. Модестова (отрывки) // Хрестоматия по античной литературе. Т. II. М., 1949. С. 500–514; Корнелий Тацит. Анналы. История. Германия (отрывки) // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе (Scythica et Caucasia). Перевод В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 3. С. 208–222.

² Единственным исключением, пожалуй, можно признать небольшую статью: Бокшанин А.Г. Римские историки эпохи империи: Веллей Патеркул, Публий Корнелий Тацит, Гай Светоний // Исторический журнал. 1940. №1. С. 111–118. Но она посвящена не одному Тациту, ему уделено совсем немного внимания, да и написана статья в традиционном «советском стиле» 40-х гг.

³ Гревс И.М. Тацит. М.-Л., 1946. 249 с.

⁴ Гревс И.М. Тацит // Энциклопедический словарь / Изд.: Ф.А. Брокгауз - И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XXXVIIa. № 64. С. 692–697; он же. Тацит // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института «Транат». 7-е изд. Т. 41. Ч. VII. С. 109–114.

⁵ Grews I.M. Tacitus. Leipzig, 1952. 215 S.

⁶ Гревс И.М. Тацит. С. 158.

⁷ Указ. соч. С. 174.

⁸ Там же. С. 178.

тал как настоящий историк-профессионал, отмечает его стремление разобраться в достоинствах и недостатках греческой и римской историографии, собрать все возможные материалы о том, что писал, дать им критический анализ. Здесь он был даже новатором. Ведь многие античные историки, «черпая из того источника, который, попав к ним в руки, казался им самым благородным, часто, не стесняясь, списывали с него целые страницы, не называя его»⁹. У Тацита же есть много ссылок на источники и даже критика их.

И.М. Гревс полагал, что назвать Тацита пристрастным нельзя. Автор признавал Тацита правдивым, беспристрастным и справедливым историком¹⁰. Он писал правду, как она ему представлялась. «Одно только можно сказать, что правда эта раскрывалась перед познающим взором историка не во всей своей полноте»¹¹. Он не смог понять политическую сущность оппозиции цезаризма, хотя и был наблюдательным историком¹².

И.М. Гревс отмечал, что современный историк, пользуясь Тацитом как источником по истории Римской империи, должен принимать во внимание, что пессимистическое настроение Тацита, в переходный период истории Рима от республики к империи, заставляло его сгущать краски. «Тацит – пессимист, но его глубокая вера в возможность торжества могущественной инициативы человеческой личности, проникнутой решимостью служить добру, открывает ему цель изучения истории, а отсюда и смысл самой жизни»¹³.

Работы И.М. Гревса и сейчас сохраняют своё значение, несмотря на их чрезмерную, на наш взгляд, неоправданную суровость к античному автору. Однако одновременно И.М. Гревс считал Тацита лучшим римским историком и настаивал на необходимости дальнейшего глубоко изучения его трудов. К сожалению, сама монография осталась практически незамеченной, на долгие годы оказалась невостребованной и не могла, на тот момент, стимулировать интерес к Тациту. Причины этого оставались прежними, и, видимо, одна из главных – упадок классической филологии, возрождение которой произошло лишь в 50-е годы.

Не случайно затем возрождение интереса к одному из самых сложных римских авторов началось с диссертации именно филолога-классика.

В 1954 г. в Харьковском университете И.М. Сидорова защищает кандидатскую диссертацию, специально посвящённую Тациту¹⁴. В этой чисто *филологической* работе она признаёт его выдающимся римским историографом¹⁵. «Анналы» имеют не только литературную, но и несомненную историческую ценность¹⁶. Этот вывод тем более важен, что сейчас предпринимаются попытки представить Тацита не столько историком, сколько литератором. При этом совершенно упускают из виду, что античное историописание требовало отточности не только содержания, но и формы, любой научный труд должен был обладать ещё и литературными достоинствами. Тацит, вне всяких сомнений, был именно *исследователем* современных ему реалий ранней империи.

И.М. Сидорова акцентирует внимание на том, что для правильного понимания текстов Тацита необходимо хорошо знать сами исторические события I – начала II вв. н.э. Поскольку он отразил в них «жизнь современного ему общества, и только близкое знакомство с этим периодом римской истории даёт возможность полностью раскрыть и правильно оценить содержание его произведений»¹⁷. Тем самым был заложен важный принцип, повлиявший на «возвращение» к Тациту: он и его эпоха настолько тесно взаимосвязаны, что изучение их порознь просто невозможно и непродуктивно.

Вероятно, эта диссертация стала рубежной в отечественной историографии – именно после неё можно говорить о настоящем возрождении тацитоведения.

⁹ Там же. С. 177.

¹⁰ Там же. С. 188.

¹¹ Там же. С. 184.

¹² Там же. С. 186.

¹³ Там же. С. 215.

¹⁴ Сидорова И.М. Язык «Анналов» Тацита (Лексические особенности). Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. Харьков, 1954.

¹⁵ Там же. С. 2.

¹⁶ Там же. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 4.

Отдельные стороны творчества Тацита рассматривались в трудах историков Московского и Казанского университетов. В том же 1954 г. А.Г. Бокщанин издает свою монографию «Социальный кризис Римской империи в I веке н.э.»¹⁸. В ней отмечена важность Тацита для рассмотрения социально-экономических отношений раннего периода Римской империи. Важна и высокая авторская оценка этого источника. А.Г. Бокщанин подчёркивает, что в работах Тацита есть «ряд указаний и фактов, которые могут оказаться полезными для понимания процессов, происходивших в то время в отдельных уголках обширного римского государства»¹⁹.

В издательстве Казанского университета публикуются две небольшие статьи М.А. Шмидт²⁰, посвященные Тациту. Для нас особенно интересна первая из них. Автор ставит ряд вопросов, касающихся политических взглядов римского историка, возможно, не со всеми утверждениями можно согласиться. Но важен конечный вывод статьи – «Тацит был и остается лучшим историографом древнего Рима»²¹.

Благодаря работам этих исследователей Тацит «вернулся» в отечественное антиковедение.

Важным событием явился новый перевод²² всех произведений Тацита, давший новый толчок к дальнейшему изучению его творчества²³. В этом издании весьма ценной для понимания исторического наследия Тацита является статья И.М. Тронского²⁴, в которой анализируются условия деятельности историка, наступившие в период Римской империи. Для Рима этого периода характерно то, что занятие историей стало привлекать к себе людей с государственным и военным опытом, таких, каким был Тацит. И.М. Тронский считает, что Тацит обновляет традицию сенатской историографии и называет его идеологом «сенатской аристократии»²⁵. Отмечая некоторую публицистичность его произведений, тем не менее, считает его достоверным историком, правдивым, добросовестным.

Работа И.М. Тронского имеет важный концептуальный характер для всего отечественного антиковедения. Автор подчеркивает одно чрезвычайно важное обстоятельство: несмотря на значительную исследовательскую литературу по этому вопросу – многовековая полемика вокруг Тацита продолжается и поныне. И.М. Тронский отмечает, что современные ему отечественные историки еще «не делали Тацита предметом развернутого монографического исследования»²⁶. Исходя из этого, он и выдвигает ряд проблем, на решение которых необходимо направить усилия российских ученых, изучающих Тацита. 1. Проблема биографии Тацита, поскольку здесь остается много неясного и спорного. 2. Источники Тацита, его исследовательский стиль и научный метод. 3. Представления Тацита о движущих силах исторического процесса. 4. Тацит и Римская империя: характеристика деятельности Тацита как историка империи, его отношение к Республике и Империи. 5. Необходимость самого тщательного изучения

¹⁸ Бокщанин А.Г. Социальный кризис Римской империи в I веке н.э. М., 1954. 239 с.

¹⁹ Там же. С. 17-18.

²⁰ См.: Шмидт М.А. К вопросу о политических взглядах Тацита // Учёные записки Казанского университета. 1956. Т. 116. Кн. 5. С. 328-331; она же. Образы римских императоров в «Анналах» Тацита // Там же. 1957. Т. 117. Кн. 9. С. 108-111.

²¹ Шмидт М.А. К вопросу о политических взглядах Тацита. С. 331.

²² Корнелий Тацит. Соч.: В 2 тт. Л., 1969. Т. I. 444 с.; т. II. 369 с.

²³ Новое издание включает в себя все дошедшие до нас произведения римского историка (очень ценное издание В.И. Модестова превратилось в библиографическую редкость). Первый том подготовили: А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко («Анналы», «Малые произведения», комментарии). 2-й том – Г.С. Кнабе, М.Е. Грабарь-Пассек, И.М. Тронский, А.С. Бобович («Истории», комм. и статья И.М. Тронского «Корнелий Тацит»). Большую переводческую и комментаторскую работу проделали А.С. Бобович и Г.С. Кнабе, редакторскую – М.Е. Грабарь-Пассек, М.Е. Сергеенко, С.Л. Утченко. Рецензию на новое издание сочинений К. Тацита см.: Миль Л. История Тацита // Новый мир. 1970. № 5. С. 277-283.

²⁴ Тронский И.М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Соч.: В 2 тт. Т. II. С. 203-247.

²⁵ Тронский И.М. Указ. соч. С. 203. В своей рецензии Л. Миль подчеркивает, что Тацит считает целесообразным широкий обмен мнений и сотрудничество принцепса с сенатом, привлечение к государственной деятельности большого числа людей из сенаторов и всадников (Миль Л. Ук. соч. С. 279).

²⁶ Тронский И.М. Указ. соч. С. 247.

мировой историографии, посвященной Тациту²⁷.

Такая четкая постановка проблем И.М. Тронским дала новый импульс к дальнейшему изучению творчества одного из самых интересных римских авторов.

В 1970 г. выходит книга «Историки Рима» с избранными переводами с латинского языка на русский. Большое значение в ней имеет вступительная статья С.Л. Утченко «Римская историография и римские историки»²⁸. В хронологическом обзоре римской историографии автор много внимания уделил Тациту, произведения которого пронизывает ненависть к тирании. В противовес И.М. Тронскому, С.Л. Утченко отмечает скептическое отношение Тацита «к аристократическому элементу» римского государственного устройства, т.е. – к сенату²⁹. Одновременно автор затронул такую сложную и дискуссионную проблему, как пренебрежительное отношение Тацита к римскому народу, вернее – к простолюдникам³⁰. Принципиально важен, хотя и далеко не бесспорен, другой тезис: идеал историка Тацита – в прошлом, в древней Римской республике.³¹

При этом следует заметить, что И.М. Тронский и С.Л. Утченко считали Тацита одним из прославленных деятелей римской культуры, именно больше писателем, чем историком, с чем довольно сложно согласиться. С.Л. Утченко писал: «...конечно, эта слава заслужена не столько Тацитом-историком, сколько Тацитом-писателем. Если же говорить о Таците-историке, то его следует расценивать как типичное явление римской историографии: по своим «программным установкам» он не в меньшей, а, пожалуй, даже – в силу блестящего таланта писателя – в большей степени должен быть отнесен, как и его знаменитый предшественник Ливий, к представителям так называемого художественно-дидактического направления»³². С.Л. Утченко полагал, что основная задача античного историка заключалась в том, чтобы наставлять читателя, приносить ему пользу.

В анализе причин описываемых событий Тацит, по мнению С.Л. Утченко, не выходит за пределы обычных представлений и норм. Поэтому причины исторических событий он объясняет традиционно. Однако с таким утверждением известного исследователя решительно невозможно согласиться. Тацит умел проникнуть в самую суть явлений. Другой вывод С.Л. Утченко – Тацита «не столько интересовал и занимал анализ причин, сколько возможность ярко, впечатляюще и поучительно изобразить самые события политической и военной истории Римской империи»³³. Такое заключение относительно одного из самых аналитичных римских историков представляется совершенно необоснованным.

В римском обществе большое внимание уделялось риторике, поэтому особый интерес представляет статья Т.И. Кузнецовой «Тацит и вопрос о судьбах римского красноречия»³⁴. Существенно, что все сочинения Тацита, кроме «Диалога об ораторах», автор причисляет именно к историческому жанру. И полагает, что «мысли автора «Диалога об ораторах» вполне согласуются с мыслями историка, колеблющегося между ностальгией по ушедшему в прошлое и реалистическим приятием настоящего»³⁵. Т.И. Кузнецова отмечает понимание Тацитом непрерывности исторического процесса, а также его умение подходить к оценке явлений не догматически, а диалектически, в развитии. И даже его способность решать проблемы с помощью социологического метода, соотнося их с социально-политическими условиями и обстоятельствами времени³⁶. «Диалог об ораторах» дает большой фактический материал, например, по вопросу организации образования в Риме. Ораторское искусство для Тацита – предыстория перехода к написанию именно *исторических* трудов.

Автор ставит вопрос о методе поиска, который применяет историк. Она верно подметила,

²⁷ Там же. С. 247. С. 203-211, 227-229, 232-234, 238-247: См. также: Елагина А.А. Римское общество в историко-литературных источниках I в. н.э. Омск, 1998. С. 29-46.

²⁸ Утченко С.Л. Римская историография и римские историки // Историки Рима / Пер. с латин. М., 1970. С. 5-32.

²⁹ Там же. С. 26-27.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Там же. С. 20.

³² Там же. С. 27.

³³ Там же. С. 28.

³⁴ Кузнецова Т.И. Тацит и вопрос о судьбах римского красноречия // Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. Гл. VII. С. 228-252.

³⁵ Указ. соч. С. 229.

³⁶ Там же. С. 252.

что у Тацита метод поиска схож с Цицероновским: «в сопоставлении различных мнений он ищет в манере академиков элементы для наиболее вероятной теории и предоставляет читателю самому выявить ее»³⁷. Автор обращает внимание на историческую точность Тацита, который «выбрал для своего сочинения определенное время – шестой год правления Веспасиана»³⁸. Т.И. Кузнецова пишет о том, что Тацит рассматривает «Диалог об ораторах» в трех аспектах: риторическом, педагогическом, философско-политическом. Римский историк вырабатывает свой стиль, совершенно самостоятельно, выступает «за непрерывное обновление и совершенствование старого»³⁹. Автор очень метко определяет позиции Тацита, его взгляд на судьбы римского красноречия в формулировке: «это концепция последовательного прогрессивного обогащения красноречия»⁴⁰. Оригинально определяется форма ораторской прозы как диалогическая. Автор в исследовании опирается на источники и делает вывод о том, что Тацит проблему судеб римского красноречия трактует глубоко, «рассматривает... с точки зрения историко-филологической; объяснение феномена «красноречие» ищет в самой сущности окружающих явлений, в среде, в которой действует красноречие, «в зависимости от которого процветает или гибнет. Упадок красноречия он признает следствием изменившейся системы государственного строя в Риме»⁴¹; концентрирует свое внимание на изменении условий общественной жизни. Очевидно, Т.И. Кузнецова смогла проникнуть в «исследовательскую лабораторию» Тацита намного глубже, нежели С.Л. Утченко. Выводы последнего нам представляются весьма спорными.

Вместе с тем, можно отметить и некоторые недостатки её работы. Так, автор отдает предпочтение необоснованному мнению Р. Гюнгериха⁴² о том, что все персонажи «Диалога об ораторах» отражают различные проявления тацитовской личности. Вслед за немецким ученым Т.И. Кузнецова отмечает историческое чутье Матерна, ностальгическое морализирование Мессалы, эстетический модернизм Апра – все эти черты, якобы, одинаково присущи и самому Тациту.

Ещё до выхода анализируемой работы было верно подмечено, что восхищение миром прошлого у Тацита уживается с восприятием настоящего⁴³ и умением приспособиваться к нему. Поэтому, говоря о политическом значении «Диалога об ораторах», Т.И. Кузнецова заявляет в то же время и о политической противоречивости самого Тацита⁴⁴.

Представляется, что она, акцентируя внимание на творческом начале трудов Тацита, на его стремлении к самостоятельности, относится к нашему автору намного более справедливо, нежели чрезмерно критикующий его С.Л. Утченко.

Все вышеперечисленные работы имеют огромное значение. Они, действительно, «вернули» Тацита в отечественное антиковедение, заложили тот прочный фундамент, на основе которого и произошёл мощный прорыв в «тацитоведении» на рубеже 70-80-х гг. XX в. Не будь их – очень сомнительно, чтобы такой прорыв вообще смог бы состояться.

Дальнейшее развитие изучения Тацита связано, прежде всего, с именами А.С. Крюкова и, особенно, Г.С. Кнабе. Они представляют собой новый, более высокий этап отечественного «тацитоведения». Анализ их вклада в историографию требует специального отдельного исследования.

REVIVAL OF RUSSIAN STUDIES OF TACITUS (40-70s OF THE XX CENTURY)

A.P. BELIKOV¹⁾

A.A. ELAGINA²⁾

¹⁾ *Stavropol State University*

²⁾ *Omsk Terminology Centre – Institute of terminology and translate*

e-mail: abelikov@rambler.ru

In article are research a main problems of studies of Cornelius Tacitus' texts in Russian historian and fhylological science at 40-70 years of 20 AD.

Key words: Tacitus, History, Phylology, translation, interpretation.

³⁷. Там же. С. 234.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 240.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 244.

⁴² См.: там же. С. 279. Прим. 18.

⁴³ Goodyear F.R.D. Tacitus. Oxford, 1970. P. 15.

⁴⁴ Кузнецова Т.И. Указ. соч. С. 251.